

Когда расстояние между ними сократилось до десяти шагов, Чу Шаоян наконец обернулся. Его лицо озарила широкая, почти искренняя улыбка, словно он встретил старого друга после долгой разлуки.

— Я уж было решил, что Фу-сюн застрял в усадьбе Ивового Дерева, и как раз собирался идти на выручку. Кто бы мог подумать, что вы выберетесь сами.

Это «кто бы мог подумать», судя по всему, было самой правдивой частью его речи. Фу Сиянь ответил не менее фальшивой улыбкой:

— Редкое радушие. Может, мне стоит вернуться и подождать вас внутри?

Улыбка на лице Чу Шаояна слегка померкла.

— Фу-сюн шутит.

— Какие уж тут шутки? — Сиянь издал короткий смешок. — Мы с Чу-сюном знакомы едва-едва, по душам не поговоришь. Если не шутить, то что нам остается — песни распевать?

Собеседник окинул его внимательным взглядом, задержавшись на нем дольше обычного.

— Похоже, мастерство Фу-сюна заметно возросло. Неудивительно, что вам хочется петь.

Фу Сиянь насторожился.

«Начинается», — подумал он.

С трудом подавив волнение, он с напускным безразличием уточнил:

— О, неужели сотник Чу снова жаждет бросить мне вызов?

— Я бы с радостью, но сейчас обременен важным делом. Придется отложить до следующего раза, — юноша понизил голос до шепота. — Человек найден. Мы можем возвращаться.

Фу Сиянь, уже знавший от Лу Жуйчуня, что принцесса находится в городке Пэйцзе, ничуть не удивился. Однако он не преминул ядовито поздравить его:

— С такими заслугами вашему отцу, главнокомандующему Чу, будет куда проще хлопотать о

вашем очередном повышении.

Чу Шаоян лишь усмехнулся в ответ:

— Чжан Дашань доложил, что в этот раз Фу-сюн приложил немало усилий. По возвращении я обязательно подам прошение о твоём награждении.

Сиянь отмахнулся:

— Избавьте от наград. Если меня освободят от службы в гвардии, моей благодарности не будет предела.

— Ха-ха, Фу-сюн снова за свое.

— Хе-хе, в этот раз это смех сквозь слезы.

— ...

Вчетвером — Чу Шаоян впереди, остальные следом — они в полном молчании вернулись в гостиницу семьи Люй.

Сотник прибыл с внушительным отрядом и одним взмахом руки выкупил всё заведение целиком, что оказалось весьма кстати для охраны принцессы. Едва переступив порог, Фу Сиянь ощутил на себе десятки взглядов: явных и скрытых, из каждого угла и каждой щели. Атмосфера разительно отличалась от той, что царила здесь, когда он приходил сводить счета с Чжан Дашанем. Лишь хозяин гостиницы — тот самый, чей счет после встречи с Чжоу Гэнгэном превратился в щепки — выглядел по-прежнему несчастным.

Он как раз стоял, согнувшись в три погибели, перед юной особой с причёской «улитка» и жалобно оправдывался:

— Барышня, ну правда, нет у нас такого! Да что в нашей лавке — во всем городке Пэйцзе вы этого не сыщете!

Девушка холодно усмехнулась:

— Если нет в Пэйцзе, почему бы тебе не послать кого-нибудь в Пиньян? А если нет в Пиньяне — поезжай в Лоян! Словом, сегодня вечером моя госпожа желает отведать «Красный цвет благородной наложницы». И точка.

Трактирщик едва не плакал:

— Помилуйте, барышня! До Лояна даже на самой резвой лошади за день не обернуться, не то что к ужину!

Девушка резко развернулась и, уставившись прямо на подошедшего Чу Шаояна, надменно бросила:

— Это уже твои проблемы... и проблемы твоей лошади!

Она развернулась и, громко стуча каблуками, поднялась по лестнице, оставив хозяина горестно вздыхать. Сиянь покосился на сотника:

— Не хочешь помочь бедолаге?

Тот ответил с полным безразличием:

— Ему выпала честь прислуживать принцессе, так что пусть приложит все силы. Если не справится — гнев будет заслуженным.

«Ну и сволочь», — подумал про себя Сиянь.

Было очевидно, что девица просто ищет повод придрататься, а этот тип стоит тут с прямой спиной и несет пафосную чушь, в которую сам не верит. Поистине, когда у человека нет совести, он не знает преград. Сиянь прищурился и внезапно спросил:

— А где наш сяоци Чжан? У меня к нему накопилось много вопросов, требующих разъяснений.

Брови Чу Шаояна дрогнули. Чжан Дашань уже доложил ему об истории с письмом и распиской. Он даже лично присутствовал, когда тот отправлял голубя в усадьбу, чтобы выкрасть ту злополучную бумагу.

Они рассчитывали, что Фу Сиянь сгинет в застенках Тан Гуна, и проблема решится сама собой. Кто же знал, что этот жирдяй не только выберется живым, но и расписку при нем не найдут? Мысль о том, что сяоци Чжан, проторчав в Пэйцзе столько времени, умудрился не только дать врагу в руки козырь, но и дожидаться, пока тот станет сильнее, вызвала у сотника желание выругаться матом. Он не понимал, как проницательный Ху Юй мог прислать на дело такого бездарного остолопа.

Однако в вопросе устранения Фу Сияня они были в одной лодке, поэтому сейчас приходилось выгораживать сообщника. Чу Шаоян прикинулся заинтересованным:

— Раз уж мы заговорили о разъяснениях... Фу-сюн так и не поведал, что же на самом деле произошло в усадьбе Ивового Дерева? Почему они вдруг закрыли ворота для гостей?

Сиянь окинул его долгим взглядом, затем подозрительно огляделся по сторонам и, мастерски напустив на себя таинственность, прошептал:

— Вы уверены, что хотите это знать?

Сотник кивнул. Сиянь перешел на зловещий шепот, едва различимый в тишине:

— Тот, кто узнает правду... может расстаться с жизнью.

Видя это кривляние, Чу Шаоян лишь усмехнулся про себя, но вслух произнес со всей серьезностью:

— Говорите, Фу-сюн. Любые последствия я беру на себя.

Сиянь кивнул. Он набрал в грудь воздуха, открыл рот, помедлил, закрыл его, снова открыл и снова закрыл. Когда он повторил это в четвертый раз, собеседник не выдержал:

— Если вам так трудно говорить, можете промолчать.

Сиянь сочувственно похлопал его по плечу:

— А вы, оказывается, трусоваты.

— ...

Глядя на этого донельзя живого и невыносимо дерзкого Фу Сияня, Чу Шаоян в очередной раз выругался про себя.

«Чжан Дашань — форменный идиот!»

Сиянь, который несколько дней прожил в страхе и мечтал лишь о мягкой постели, уже собирался потребовать у хозяина ключ, как вдруг та самая девица с «улиткой» на голове высунулась с балкона второго этажа. Указав на него пальцем, она звонко выкрикнула:

— Эй, ты! Поднимайся, принцесса желает тебя видеть.

«Ничего хорошего это не сулит», — подумал Сиянь.

Он прикинулся глухим и уже собрался дать деру, но девица закричала еще громче, на всю гостиницу:

— Самый жирный жирдяй! Да-да, я тебе говорю!

Фу Сиянь замер.

«Это было побольнее, чем если бы она назвала меня по имени».

Делать было нечего. Он поплелся вверх. В этот момент с лестницы спускался Чжан Дашань. Они столкнулись на ступенях, но даже не кивнули друг другу. Ступив на галерею второго этажа, Сиянь обернулся и увидел, как тот прямоком направился к Чу Шаояну.

Сидевший в зале Чжоу Чжунсинь коротко кивнул ему, давая понять, что присмотрит за этой парочкой. Фу Сиянь задумался.

«Сейчас важнее следить за принцессой».

Если Чжан Дашань и Чу Шаоян были врагами явными, желавшими его смерти, то Седьмая принцесса была существом непредсказуемым и коварным. От такой защиты не дождешься.

Он подошел к дверям и только занес руку, чтобы постучать, как они распахнулись. Девушка Мэймэй недовольно скривилась:

— Что ты делаешь? Совсем приличий не знаешь? Как подчиненный, ты обязан стоять здесь и смиренно ждать, пока принцесса не соизволит тебя позвать.

«Сама только что орала на весь этаж, а теперь про приличия вспомнила», — проворчал про себя Сиянь.

Но лезть на рожон он не стал и смиренно склонил голову. Девушка хмыкнула и отошла в сторону:

— Заходи.

Сиянь переступил порог, гадая, есть ли какой-то особый этикет — с какой ноги заходить к принцессе. Но пока он шел через комнату к столу, за которым сидела и о чем-то грезила Седьмая принцесса, девушка молчала. Видимо, таких тонкостей не существовало.

Принцесса пришла в себя лишь после того, как Фу Сиянь отвесил поклон. Она уставилась на него своими огромными, чистыми, как у олененка, глазами и пропела тонким, сладким голоском:

— Значит, это и вправду ты.

Заметив его недоумение, она пояснила:

— Мы виделись у ворот усадьбы Ивового Дерева. Ты как раз выходил оттуда. М-м-м, и что же ты там делал?

Сиянь похолодел.

«Неужели она всё ещё сохнет по Пэй Юаньцзиню?»

Видя, что он медлит с ответом, принцесса схватила со стола чашку, из которой только что пила, плеснула в неё немного воды и протянула ему:

— Сначала присядь, выпей воды и расскажи всё по порядку.

Движения её были полны грации, и Сиянь не мог понять — милость это или скрытая угроза. Но как бы там ни было, пить из этой чашки он не собирался.

— Подданный постоит.

— Если ты будешь стоять, мне придется задирать голову, — капризно протянула принцесса. — А я так устаю.

У Сияня от этого голоса мурашки поползли по коже, но не от восторга, а от дурного предчувствия. Он поспешно отодвинул стул, собираясь сесть, как вдруг Мэймэй бросила:

— Пусть лучше на корточках сидит.

Принцесса смущенно кашлянула:

— Мэймэй, выйди, пожалуйста. Я хочу поговорить с ним наедине.

«Иди-ка поищи своего Ли Лэя!» — мысленно усмехнулся Фу Сиянь.

Когда девица вышла, он наконец сел. Принцесса подалась вперед:

— Скажи, в усадьбе Ивового Дерева ты не слышал о каком-нибудь... чудесном лекарстве?

За последние дни Фу Сиянь столько раз слышал слово «лекарство», что у него уже развился нервный тик. Потирая ноющее виски, он уклончиво ответил:

— Подданный ездил в усадьбу лечиться и действительно принимал кое-какие снадобья.

— Я не про твои болезни, — перебила принцесса. — Я про то... которое специально для девушек.

Рука Фу Сияня замерла.

«Неужели она в курсе?»

До сих пор ни Тан Гун, ни Юй Сухуань, ни сам Пэй Юаньцинзнь не раскрыли истинной сути «Пилюли Смешанного Ян». Сиянь лишь догадывался по обрывкам фраз, что количество пилюль строго ограничено, новые создать нельзя, и они как-то связаны с будущим Пэй Юаньцинзия — возможно, с его браком. Всё это отдавало какой-то мистикой.

Он лихорадочно соображал, напустив на себя задумчивый вид:

— Если так подумать, то, кажется, было что-то подобное...

— Ах! Неужели кто-то его принял? — принцесса заметно занервничала.

Сиянь прижал руку ко лбу, делая вид, что мучительно вспоминает:

— Говорили разное, но, кажется, приняли совсем немного.

Принцесса энергично закивала:

— Одному человеку положено три пилюли, не больше. Так кто их принял?

— Вроде бы Тан...

Он нарочно растянул имя, и Седьмая принцесса, как и ожидалось, сама закончила фразу:

— Тан Баоюнь?

Она с досадой всплеснула руками:

— Похоже, управляющий Лу всё-таки опоздал. Кто знает, что там сейчас творится. Мы ведь договорились: если он добудет лекарство, я выкуплю его за любые деньги.

Фу Сиянь не знал, что случилось с Лу Жуйчуном, но, помня характер Пэй Юаньцзиня, не сулил бедняге ничего хорошего. Жаль было принцессу: она и не подозревала, что усадьба уже под властью Дворца Бессмертных, и наивно полагала, что тот всё еще заправляет делами.

Понимая, что она знает немало, Фу Сиянь решил прощупать почву:

— Я слышал, что после принятия лекарства госпожа Тан почувствовала себя... неважно.

Это была «наживка» в стиле мудреца Цзяна. Ведь понятие «неважно» могло означать что угодно — от физической боли до душевных терзаний. Принцесса предсказуемо заглотила крючок:

— Чтобы стать женой Молодого господина, нужно перетерпеть немало боли. Я даже велела придворным лекарям приготовить обезболивающее, но, боюсь, оно не пригодилось.

Она погрузилась в свои невеселые думы, не замечая, как у сидящего рядом Сияня от ужаса расширились зрачки. Слова «стать женой Молодого господина» крутились в его мозгу, словно заевшая пластинка. Он выдавил из себя:

— Я слышал, что пилюль было больше трех?

— Три на человека, всего девять штук, — принцесса принялась загибать пальцы. — Даже если Тан Баоюнь забрала одну долю, остаются еще две. — Она вдруг просияла, явно обрадовавшись своим подсчетам.

Контраст между её радостью и мрачным лицом Сияня был разительным.

«Три пилюли — и ты жена Пэй Юаньцзиня. Я сожрал семь... значит, я теперь его старшая жена?!»

Хуже того — оставшихся пилюль не хватило бы даже на одну полноценную вторую жену! На мгновение Фу Сиянь почувствовал, как его душа покидает тело и со стороны взирает на этого жирного парня, застывшего в комнате соляным столбом.

«В любом случае, я — это не он!»

Что принцесса говорила дальше, он совершенно не запомнил. В памяти осталось лишь то, как ворвалась Мэймэй и в грубой форме выставила его за дверь.

Оказавшись в коридоре, он слушал привычный шум из общего зала, и сознание наконец вернулось к нему. Он уже собирался уходить, когда его предательски чуткий слух уловил капризный голос принцессы из-за двери:

— Давай отправим письмо в усадьбу. Наверное, управляющий Лу был просто занят, но как увидит весточку — сразу о нас вспомнит... Ну пожалуйста, невестка!

Фу Сиянь замер, пораженный громом.

«Невестка?!»

В императорском доме Северной Чжоу был лишь один принц подходящего возраста — Третий принц, которого они и сопровождали в Лоян. В лагере ходили слухи о его интрижках, отчего жена принца была вне себя от ярости. Значит, супруга наследника тоже была в караване.

Но кто тогда Мэймэй? Неужели она и есть принцесса-консорт? Но с какой стати законной жене помогать сестре мужа сбегать из дома, идя наперекор супругу? Разве что... вся эта авантюра с самого начала была затеяна самим Третьим принцем? В комнате Мэймэй что-то тихо ответила, и принцесса снова заговорила:

— В моем сердце ты — единственная невестка. Я знаю, что брат уже давно считает тебя своей женой.

Только тогда до Фу Сияня дошло: Мэймэй не была официальной женой Третьего принца. Она была его тайной любовью, его фавориткой. Значит, его догадка... он спустился на пару ступеней и замер.

Догадка подтверждалась. Даже самая влюбленная женщина знает: если интересы возлюбленного и его сестры расходятся, нужно выбирать сторону мужчины. А значит, Третий принц сам позволил сестре бежать за своей «любовью». Но если копнуть еще глубже... Зачем единственному взрослому принцу Северной Чжоу толкать сестру в объятия главы могущественного клана? Скорее всего, он чувствует шаткость своего положения при дворе и ищет внешнюю силу, способную стать его опорой.

Но кто в Поднебесной может угрожать единственному взрослому наследнику?

«Сам Император?»

Сиянь почувствовал, как по спине пробежал холодок. Его размышления завели его в такие дебри, от которых волосы вставали дыбом. Самое страшное — идея отправить его на поиски принцессы принадлежала Третьему принцу. А значит, он уже стал пешкой в этой большой игре. Вспомнив, как он радовался возможности познакомиться с принцем, Фу Сиянь лишь покачал головой.

«Молод... слишком молод и глуп».

Напряженная работа мозга требовала немедленной энергетической подпитки. Заметив

хозяина гостиницы у порога, Сиянь направился к нему, но тот уже возвращался в сопровождении троих незнакомцев: сухощавого старика с благородной осанкой, слуги и охранника. При виде Сияня трактирщик заметно занервничал. Не дожидаясь расспросов, он выпалил:

— Дальний родственник, приехал навестить! — и поспешно увел гостей во внутренний двор.

Любопытство Фу Сияня мгновенно пробудилось, он уже хотел было проследить за ними, но его коллеги оказались проворнее. Пара гвардейцев тенью скользнула следом — движения их были настолько отточенными, что Сиянь лишь вздохнул и пошел искать, чем бы набить желудок.

Близилось время ужина, поэтому он купил у входа лепешку и принялся задумчиво жевать её. Когда он вернулся в зал, там уже сидели Чу Шаоян и Чжан Дашань. Чжунсинь и Гэнгэн устроились за соседним столом, не спуская с них глаз.

Фу Сиянь меньше всего хотел портить себе аппетит, глядя на эти две физиономии. Но когда он направился к своим людям, сотник Чу лично пригласил его за стол. Сиянь попытался вежливо отказаться:

— Где это видано: вы сотник и сяоци, а я простой страж. Как-то не по чину мне с вами за одним столом сидеть.

Чу Шаоян, привыкший к его колкостям, лишь мягко улыбнулся:

— Фу-сюн, к чему эти церемонии? Мы столько времени в пути, а еще ни разу толком не пообедали вместе.

Понимая, что отвязаться не выйдет, Сиянь сел, усмехнувшись:

— Ну, воду-то, которую я кипятил, вы исправно пили.

Разговор снова зашел в тупик. Чжан Дашань и Фу Сиянь сидели друг напротив друга, молча прихлебывая чай. Никто не горел желанием начинать беседу. Сотнику пришлось взять инициативу на себя. Понизив голос, он спросил:

— Принцесса вызывала Фу-сюна. Были ли какие-то особые распоряжения?

Сиянь ответил таким же заговорщицким шепотом:

— А не считается ли любопытство сотника Чу попыткой подглядеть за тайнами внутреннего двора?

Лицо собеседника на миг окаменело.

— Я лишь хотел помочь. Если Фу-сюн не нуждается в содействии — что ж, оставим это.

Заметив, как Мэймэй спускается по лестнице, Фу Сиянь прищурился и внезапно спросил:

— Насколько я помню, когда принцесса покидала дворец, её сопровождали трое?

— Одна служанка умерла от ран, — бесстрастно ответил Чу Шаоян.

На самом деле она не умерла от ран. Ей просто перерезали горло, когда она была ранена. И на теле не было следов борьбы — убийцей был либо мастер, либо кто-то свой. Судя по тому, что принцесса даже не вспоминала о ней, сотник решил: девушка была обузой в пути, и её просто убрали, чтобы не выдала. Эта милая, невинная с виду девочка обладала сердцем истинной дочери императора — холодным и беспощадным.

Впрочем, делиться своими наблюдениями с Сиянем тот не спешил. Напротив, глядя на то, как Фу Сиянь самодовольно купается в лучах внимания принцессы, Чу Шаоян испытывал странное, мрачное удовлетворение. Заметив мимолетную улыбку на губах врага, Сиянь почувствовал, как по спине пробежал холодок. Чему тут радоваться — смерти служанки?

«С виду приличный парень, а на деле — психопат какой-то».

Ему даже стало немного не по себе.

«Такое безумие ведь может быть заразным».

За столом сидели трое, и двое из них считали друг друга либо дураком, либо сумасшедшим. Третий же пока успешно прикидывался мебелью. Но за маленьким столом большому человеку долго не скрыться. Когда Фу Сиянь закончил проклинать сотника и поднял глаза, он наткнулся на взгляд Чжан Дашаня. В голове тут же созрел коварный план.

— Знаете, в последнее время меня гложет одно странное беспокойство.

Сердце Чу Шаояна екнуло.

— О? Просветите же нас.

— У меня такое чувство, — веско произнес Сиянь, — что голуби сговорились против меня.

Сотник Чу прикинулся простаком:

— Голуби? Может, Фу-сюн просто переборщил с дичью за обедом, и они решили отомстить?

— Я не только птиц ем, я и зверей не жалую, — с тонкой усмешкой парировал Сиянь. — Неудивительно, что всякое зверье меня ненавидит и желает моей смерти.

— На вид Фу-сюн не похож на того, кто обречен на безвременную кончину.

— Не стоит так убиваться, сотник. Безвременная кончина — вещь непредсказуемая: сегодня я, завтра вы... кто знает?

— Фу-сюн прав. Дорога длинная, там и увидим.

Сиянь кивнул:

— Вот именно. Так вернемся к нашим голубям.

Чу Шаоян мысленно выругался: столько усилий, а тему сменить не удалось.

— Эти голуби, — продолжал Сиянь, — то яд мне в чай подсыпают, то в комнате засады устраивают... Ощущение такое, будто ими кто-то командует.

Чжан Дашань уже открыл рот, чтобы возразить, но встретился с яростным взглядом командира и осекся. Он-то знал, что голубь лишь обыскивал комнату, а вовсе не сидел в засаде. Но как, черт возьми, это объяснить, не выдав себя? Сиянь видел их замешательство и с удовольствием продолжал:

— Но самое паршивое — у меня пропало пять тысяч лянов!

Сяоци Чжан едва не задохнулся от возмущения, но не мог проронить ни слова. Чу Шаоян холодно спросил:

— И у Фу-сюна есть догадки, кто этот таинственный злодей?

— Есть кое-какие мысли, — Сиянь подался вперед, краем глаза следя за Дашанем. — На самом деле я расставил ловушку, и кое-кто в неё уже угодил. Как вернемся в лагерь и спросим Третьего принца — всё тайное станет явным.

Оба — и сотник, и сяоци — мгновенно поняли, что речь идет о том самом письме и расписке. Если бы Чжан Дашань не был так самонадеян и не решил, что Сияню из усадьбы не выйти... Если бы он проявил осторожность и отправил письмо Чу Гуану, как просил тот, то сейчас у них был бы путь к отступлению. Но теперь они оказались загнаны в угол. Глаза Чу Шаояна

лихорадочно блеснули:

— Зачем же так далеко ходить? Я ваш сотник. Если у подчиненного беда — разве я не должен вступиться? Или Фу-сюн мне не доверяет?

Они оба подозревали, что расписка спрятана либо у Сияня, либо у его людей. Заставить его выдать её добровольно было бы идеальным решением. Сиянь замаялся, изобразив на лице борьбу с собой:

— Как бы это сказать... Я человек честный, врать не умею. Боюсь, правда может ранить наши чувства.

Чу Шаоян в напускном гневе ударил по столу:

— Я к тебе как к брату, а ты от меня таишься! Что ж, раз дружба для тебя пустой звук — я говорю как твой начальник. Это приказ: выдай то, что у тебя есть, или ты пойдешь против воли командира?

Фу Сиянь невинно захлопал ресницами:

— И что же сотник Чу желает получить?

— Конечно же...

Тут до него дошло: Фу Сиянь за всё время ни разу не сказал, что именно у него в руках. Он лишь упомянул «ловушку» и Третьего принца. Тишина за столом стала почти осязаемой.

— Я вижу, вы зашли в тупик. Может, мне выступить посредником? — раздался внезапный голос у них за спиной.

Обернувшись, они увидели того самого «родственника» хозяина — благородного старика. Он стоял у входа в кухню с блюдом в руках, и никто не знал, сколько времени он там простоял. Этот человек явно обладал незаурядным мастерством, но... Сиянь недоуменно взглянул на своих людей. Старик стоял прямо перед ними. Каким бы тихим он ни был, не заметить взрослого человека перед собой было невозможно. Но Чжунсинь и Гэнгэн лишь усиленно моргали и корчили ему рожи.

Сиянь вздохнул.

«Ну вот, теперь не только я знаю, что это наш человек. Чу Шаоян тоже не дурак».

Действительно, сотник процедил сквозь зубы:

— Кто вы такой, чтобы совать нос в дела Цзиньивэй?!

Старик спокойно поставил блюдо на стол и лишь после этого сложил руки в приветствии:

— Инспектор провинции Шаньси, Вэй Ган.

Для пущей убедительности он выложил на стол свою чиновничью печать. Лицо Чу Шаояна перекошило. В табели о рангах сотник и инспектор провинции Шаньси оба имели шестой ранг. Но инспектор обладал властью проверять действия чиновников на своей территории. Это было всё равно что Лу Жуйчунь столкнулся бы с Ци Чжуном: чины равные, но один под надзором у другого. К тому же Цзиньивэй в это время только создавались, их полномочия были еще туманны, и жили они довольно скромно.

Вэй Ган подошел к столу и вежливо поклонился Фу Сияню и Дашаню:

— Позвольте узнать ваши имена...

Фу Сиянь представился первым. Когда очередь дошла до Чжан Дашаня, тот заметно занервничал. Его глаза бегали, он то и дело косился на командира, ища поддержки. Но Чу Шаоян, каким бы талантливым он ни был, всё же оставался юнцом. До службы он лишь постигал боевые искусства в горах со своим учителем. В такой патовой ситуации он мог лишь держать лицо, хотя внутри у него всё клокотало от беспомощности. Понимая, что командир не поможет, Дашань решил действовать сам.

Он стиснул зубы и решил нанести упреждающий удар. Лучше признать меньшее зло, чем позволить Фу Сияню разыграть карту с распиской:

— Господин инспектор, прошу выслушать. Я действительно использовал голубя, чтобы осмотреть комнату стража Фу. Но никакой засады не было, и уж тем более я не брал никаких денег! Я искал расписку.

Вэй Ган перевел взгляд на молчащего Сияня:

— О какой расписке речь?

— Когда страж Фу был отравлен, он попросил меня отправить письмо, — выпалил Чжан Дашань. — И я выписал ему расписку в получении. Но в Пэйцзе сейчас беспокойно, люди пропадают... и письмо затерялось в пути. Я испугался ответственности и, поддавшись глупому порыву, решил выкрасть расписку, чтобы скрыть пропажу. Каюсь, бес попутал!

Вэй Ган снова посмотрел на Фу Сияня:

— Это правда?

Сотник Чу и сяоци Чжан затаили дыхание, ожидая, что Фу Сиянь сейчас обрушится на них с обвинениями. Но тот лишь удивленно захлопал глазами:

— Какая расписка? Я никогда не просил его писать никаких бумаг. Я просто отдал письмо, веря ему на слово. Как я мог не доверять сяоци Чжану?

Те застыли с открытыми ртами.

— Однако! — Фу Сиянь возбужденно вскочил, обращаясь к Вэй Гану. — Он только что признался, что подсылал голубя обыскивать мою комнату! Значит, пять тысяч лянов точно у него! Грабёж и покушение — мотив налицо. Думаю, и тот яд в чае — тоже его рук дело!

— Врешь! — вскричал Дашань, брызгая слюной. — Эта расписка у него! Обыщите его, и увидите, что я говорю правду!

Сиянь лишь развел руками:

— Что ж, ищите, если хотите.

Чу Шаоян бросил взгляд на гвардейцев Сияня.

— Или у них двоих! — добавил Чжан Дашань.

Чжунсинь и Гэнгэн переглянулись и тоже развели руками:

— Ну, ищите...

<http://bllate.org/book/15317/1354487>